

— Да прекратите же! Хватит бить!

— Так и зашибить недолго!

— Лекаря! Позовите доктора Ли!

Шумный, суматошный двор насквозь пропитался удушливым запахом дешевого перегара и сырого мяса. Посреди этого хаоса толпились слуги, окружив длинную деревянную лавку. В воздухе со свистом взлетали тяжелые палки из красного дерева, с глухим, мерным стуком опускаясь на распластанное тело. Несчастный, привязанный к скамье, уже едва дышал на ладан; из его груди не вылетало даже стога. Грязный, взъерошенный, с лицом, превратившимся в сплошное кровавое месиво, он лежал неподвижно — поди разбери, жив еще или испустил дух.

Лишь когда служанка привела доктора Ли, слуги наконец опустили дубины. Старший из них, ухмыльнувшись, панибратски подмигнул лекарю.

Тот прищурился, вглядываясь в избитого бродягу:

— Опять он?

— Да всё тот же, — развел руками заводила.

Доктор Ли брезгливо сплюнул под ноги. В его движениях не осталось и капли врачебного милосердия. Он небрежно приложил пальцы к шее лежащего, проверяя пульс, а затем, ухватив несчастного за сальные клочья черных волос, бесцеремонно стащил со скамьи и швырнул на землю.

— Хватит притворяться, поганец! Вставай!

Безумец лишь сильнее сжался в комок, спрятав голову в локтях, и мелко задрожал всем телом.

— Чего трясешься? Думаешь, я поверю, будто тебе страшно? — ухмыльнулся доктор Ли и бесцеремонно пнул его носком туфли, заставляя перевернуться. — Который это уже раз? Ван У, чего опять натворил этот паршивец?

— Да наша барышня расщедрилась, пожалела убогого, — Ван У смачно сплюнул прямо на затылок избитому бродяге. — Дала мамушке несколько медных монет и велела позвать его помочь на кухне к празднику в честь первого месяца молодого господина. Думали, пусть хоть свинью заколет, делом займется. А этот неблагодарный ублюдок мало того что сожрал половину запасов и опился втихаря, так еще и разбил кувшин с духовным вином, приготовленный для подношения в Храм Небесного Божества! Мало ему этого было, так он спяну полез к самой барышне, удумал сорвать с ее прически золотые шпильки! Ну скажи, как такого не забить до смерти?

— Слишком уж добра наша барышня, — покачал головой лекарь, и в его глазах вспыхнуло еще большее презрение. Он повернулся к лежащему на земле: — Слюни распустил! Мужчина ты или тряпка? Кончай выть, забирай рецепт и убирайся отсюда вон!

Но тот словно не слышал. Он лишь сильнее сжался в клубок. Худой как щепка, в лохмотьях, сквозь которые виднелись багровые полосы от ударов, он вздрагивал всем телом. Незнакомый человек наверняка проникся бы к нему глубоким сочувствием.

Вот только в усадьбе уездного судьи Вана этого проходимца знали слишком хорошо — его уловки давно никого не трогали. Ван У презрительно фыркнул, присел на корточки и, преодолевая брезгливость, мертвой хваткой вцепился в колтуны на голове безумца. Силой выдернув его лицо из кольца исхудавших рук, он явил миру жуткую, испещренную синяками физиономию.

Этот печально известный на весь уезд сумасшедший был совсем не стар — обычный юноша. Омой его, причеши да одень в приличное платье — и он, пожалуй, сошел бы за красавца. Но сейчас его лицо опухло и превратилось в бесформенное месиво. Один глаз заплыл так, что едва открывался, а губы, которые он искусал в кровь во время экзекуции, превратились в рваную рану.

Грязь, запекшаяся кровь, дорожная пыль — от этого зрелища нормального человека невольно бы стошнило. Но если бы кто-то осмелился взглянуть внимательнее, то сразу бы понял: плечи бродяги вздрагивали вовсе не от рыданий.

Этот негодяй беззвучно, безумно хохотал!

— Ах ты ж сучий потрох! — у Ван У зачесались кулаки. Ему до смерти захотелось съездить по этой мерзкой харе еще разок-другой, но на лице безумца просто не осталось живого места — сплошное кровавое месиво, даже ударить брезгливо. Немного подумав, слуга просто схватил паршивца за волосы и несколько раз с силой приложил затылком о каменные плиты двора. Выпустив пар, он тяжело выдохнул: — Ладно, док, пиши свой рецепт, и мы вышвырнем падаль на улицу.

— Сей момент, — лекарь даже не взглянул на избитого. Он небрежно протянул бумажку с рецептом, собираясь сунуть ее бродяге за пазуху, но не успел — тот с неожиданной резвостью вцепился зубами в его запястье.

— А-а-а-ах! — взвизгнул от боли доктор Ли. Позабыв о чистоте своих туфель, он принялся ожесточенно пинать безумца по ногам.

Но тот словно не чувствовал боли. Он продолжал дико скалиться, сжимая челюсти всё сильнее, твердо вознамерившись вырвать кусок плоти прямо из чужой руки. Мгновенно брызнула кровь.

Ван У вместе с остальными закричали и навалились гурьбой. Кто-то крутил сумасшедшему

плечи, кто-то силой разжимал сведенные судорогой челюсти. Не жалея пинков, они наконец оторвали его от воющего доктора. Несчастного поволокли к выходу и, словно мешок с отрубями, вышвырнули на улицу. Тяжелые ворота захлопнулись с гулким стуком, засов со скрежетом встал на место.

Из-за закрытых дверей еще долго доносилась глухая брань:

— Да когда ж эта тварь наконец сдохнет...

— Скажи спасибо, что наш господин так милосерден...

У этого печально известного в уезде Фэй безумца не было настоящего имени. Все звали его просто — Шитоу.

Никто не ведал, откуда он взялся, сколько ему лет и из какой он семьи. Самое большее, на что он годился, — это забивать скот. Стоило признать, что в редкие минуты просветления, когда на него не находил очередной приступ буйства, свиней он резал на удивление ловко и быстро.

Когда он впервые объявился в этих краях, то выглядел точно так же, как и сейчас: оборванный, истощенный, с лицом до того грязным, что черт было не разобрать. На любые расспросы он лишь глупо мычал. Впрочем, дураком его назвать язык бы не повернулся. Этот проходимец превосходно освоил ремесло мелкого воришки и погромщика. Он ухитрялся пробираться даже в поместье уездного судьи Вана, причем воровал исключительно дорогие вещи: редкие книги и выдержанное вино. Но и до звания умного человека ему было далеко как до луны — какой мудрец станет нарываться на трепку по три раза на дню?

Впрочем, изредка, когда на него снисходило красноречие, он мог связать пару слов. Не так давно дочь уездного судьи возвращалась из Храма Небесного Божества, где молилась о благополучии. Сидя в изящных, благоухающих благовониями носилках, барышня велела слугам раздать милостыню беднякам. Шитоу, конечно же, тут же притащился к процессии и со слащавой ухмылкой протянул грязную руку. Барышня Ван, скрытая за занавеской, пожалела его и спросила, кто он такой, зачем прибыл в уезд Фэй и не желает ли найти честную работу, чтобы прокормить себя.

Тот лишь растянул губы в глупой улыбке и ответил, что он обычный мясник и кроме как размахивать тесаком ничего делать не умеет. А в уезд Фэй прибежал ради одного — спастись от долгов.

Барышня спросила, что же это за долги такие, а безумец, ослабившись, заявил, будто задолжал любовь. И тут же принялся во всех красках расписывать постыдную историю о том, как глубокой ночью на него покусился навязчивый ухажер. Смакуя каждую деталь, он нес откровенную околесицу: дескать, под покровом тьмы к нему явился прекрасный, точно нефрит, бессмертный с лазурными глазами и в алом венце. Этот небожитель, благоухая благовониями, взмахнул золотым веером, сбросил с плеч легкие одежды с широкими рукавами и принялся ласкать в темном переулке пьяного в стельку бродягу... Чем дальше Шитоу вел свой рассказ, тем более грязными и бесстыдными становились его речи. Бедная барышня Ван густо

покраснела до самых ушей и в сердцах обозвала его бесстыжим мерзавцем, велев немедленно гнать негодяя прочь.

<http://bllate.org/book/18360/1798403>